

УДК 371.11(470-25)"1931/1937"

Ефимова Елена Алексеевна,

SPIN-код: 3721-7712

кандидат педагогических наук, старший методист, Музей истории детского движения ГБОУ «Воробьевы горы», Российская Федерация, г. Москва, e-efimova@yandex.ru

ОБРАЗЦОВЫЕ ШКОЛЫ МОСКВЫ: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И РАБОТЫ (1931–1937 ГГ.)

Аннотация. Статья посвящена истории создания и деятельности в 1931–1937 годах образцовых школ Москвы. Проанализированы понятия «ударничество» и «образцовость» в применении к педагогическому труду. Приведен список образцовых школ столицы на 1931–1937 учебный год, указаны их адреса, фамилии директоров. На основе архивных материалов (стенограмм, протоколов) Московского городского отдела народного образования (Мосгороно), хранящихся в Центральном архиве города Москвы, освещены обстоятельства развертывания работы образцовых школ Москвы, выявлены критерии их отбора; разобраны требования, предъявляемые к образцовым школам руководством Мосгороно, условия, в которых проходила работа образцовых школ. Проанализированы обстоятельства, приведшие к переводу образцовых школ в равные условия с остальными. Приведено немало интересных, ярких фактов, касающихся не только организации учебно-воспитательного процесса в школах столицы и постановки руководства образцовыми школами со стороны Мосгороно, но и быта, духовной и повседневной жизни, стремлений и взаимоотношений москвичей первой половины 1930-х гг. Привлечены нормативно-правовая педагогическая пресса, информационные материалы интернета. Фактические сведения даны с необходимыми ссылками.

Ключевые слова: образцовые школы; московские школы; учительские кадры; ударничество; педагогическая деятельность; образовательный процесс; управление образованием; архивные материалы; городской отдел народного образования

Efimova Elena Alekseevna,

Candidate of Pedagogy, Senior Methodologist, Museum of the History of Children's Movement, Vorobyovy Gory State Educational Institution, Russia Federation, Moscow

MODEL SCHOOLS OF MOSCOW: FROM THE HISTORY OF THEIR CREATION AND OPERATION (1931–1937)

Abstract. The article is devoted to the history of the creation and activities of model schools in Moscow from 1931 to 1937. The concepts of “shock work” and “exemplary” as applied to pedagogical work are analyzed. A list of model schools in the capital for the 1931–1931 academic year is provided, along with their addresses and the names of their directors. Based on archival materials (stenograms, minutes) of the Moscow City Department of Public Education (Mosgorono), stored in the Central Archive of the City of Moscow, the circumstances of the development of the work of model schools in Moscow are illuminated, the criteria for their selection are identified, the requirements imposed on model schools by the leadership of Mosgorono, and the conditions in which the work of model schools took place are analyzed. The circumstances that led to the transfer of model schools to equal conditions with others are analyzed. Numerous interesting and striking facts are presented, concerning not only the organization of the educational process in Moscow schools and the management of model schools by the Moscow City Education Department, but also the everyday life, spiritual and daily life, aspirations, and relationships of Muscovites in the first half of the 1930s.

Regulatory and legal educational publications and online information are drawn from the material. Factual information is provided with the necessary references.

Keywords: model schools; Moscow schools; teaching staff; shock work; pedagogical activity; educational process; education management; archival materials; city department of public education

Введение. Историко-педагогическое исследование дает возможность увидеть, оценить, проанализировать достижения и проблемы сквозь десятилетия, проникнуть в атмосферу педагогической реальности, взглянуть на нее как изнутри, так и глазами современного исследователя.

1930-е гг. были годами кардинальных школьных реформ, проведенных огромным напряжением сил в сжатые сроки. Московские школы отразили в себе все черты жизни школ тех лет: переполненность классов и обучение в две и три смены в столичном перенаселенном городе, разнообразный состав учителей, серьезное отличие центральных и окраинных, образцовых и массовых школ по многим параметрам.

Материалы и методы. Много материалов по теме школьного строительства, школьных реформ содержится в фонде Р-528 «Московский городской отдел народного образования исполкома Моссовета» (Мосгороно) Центрального архива города Москвы. Это, в частности, стенограммы совещаний заведующих районными отделами народного образования (РОНО), заведующих школьными секторами Мосгороно, заведующих образцовыми школами, работников образцовых школ; отчеты директоров образцовых школ; доклады и докладные записки зав. Мосгороно о работе московских школ и о состоянии образцовых школ Москвы за 1930-е гг. Рассмотрение документов о работе образцовых московских

школ дает выразительную, полную характерных черт, нюансов и деталей картину состояния образования в Москве середины 1930-х гг. В исследовании использованы нормативно-правовая педагогическая пресса, информационные материалы интернета.

Результаты исследования и их обсуждение. В соответствии с Постановлением ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе от 5 сентября 1931 г. [КПСС в резолюциях..., 1985, с. 569–577] Наркомпросам предлагалось создать «сеть образцовых школ, поставив их в более благоприятные материальные условия и сосредоточив в них лучшие педагогические силы с тем, чтобы учительские массы, рабочие, колхозники и учащиеся могли на практике учиться у них строительству политехнической школы».

Заметим, что аналогичные попытки были предприняты в последующие десятилетия также в общегосударственном масштабе: например, в конце 1950-х гг. (бригады коммунистического труда на предприятиях), в 1970-х – 1980-х гг. (движение за превращение Москвы в образцовый коммунистический город, в ходе которого, в частности, образовательные учреждения стремились к получению звания образцового) [О мероприятиях..., 1975; Образцовые школы Москвы, 1985].

По нашим наблюдениям, история образцовых школ 1930-х гг. всей страны и, в частности, Москвы еще не стала предметом изучения. Краткие сведения об образцовых школах

имеются в педагогических энциклопедиях и словарях [Российская педагогическая энциклопедия, 1999, с. 43]. Данные об этих школах отсутствуют в учебниках, монографиях, сборниках документов по истории педагогики и по истории Москвы. По теме есть одно диссертационное исследование 1960-х гг. [Федоринов, 1966].

В интернете можно найти немало разных сведений об образцовой московской школе № 25 (https://mel.fm/ucheba/fakultativ/238145-kreiman_gymnasium; <http://lopatnikov.pro/stati/o-stalinskoj-shkole/>; <https://nikolaeva.livejournal.com/231948.html>; <https://ug.ru/nina-groza-uchitel-i-direktor/>; <https://www.kommersant.ru/doc/3167851>), в которой в рассматриваемый период обучались дети руководства СССР, включая детей И. В. Сталина, и которой американский историк Л. Холмс посвятил книгу [1999].

В 1931 г. советская школа избавилась директивным образом от бригадного метода обучения, рассыпных учебников и пр. и должна была осваивать классно-урочную систему, что было невероятно сложно в связи с отсутствием приемлемого опыта такой работы, методических разработок, программ и учебников, осложнено дефицитом педагогических кадров и перегруженностью школ. Образцовые школы были призваны, идя непроторенными тропами, сыграть в этом роль первопроходца, флагамена, ледокола, одновременно являясь витриной достижений.

Образцовость была реалией 1930-х годов. В системе Наркомпроса имелись кроме школ, образцовые детские дома и детские сады,

школы ФЗУ, педтехникумы, пионерлагеря, рабфаки, Дома колхозных ребят (ДКР – сельское многопрофильное внешкольное учреждение). По материалам прессы можно видеть, что существовали или были декларированы образцовые библиотеки, вагоны, дома, дороги, железнодорожные узлы, заводы, избы-читальни, кварталы, комбинаты, курорты, магазины, мотовозы, мясокомбинаты, политехпросветбазы МТС, профкомы, совхозы (племхоз, свинхоз), станции, трамваи и трамвайные парки, универмаги, учебные хозяйства; образцовыми должны были быть автотранспорт, ремонт, труд, учет и пр. Ленинград был провозглашен образцовым советским городом, а Москва – образцовым социалистическим городом пролетарского государства.

Введение понятия образцовости глубоко связано с развертыванием с 1929 г. в советской экономике социалистического соревнования и ударничества. На лучших, на победителей соревнования, продемонстрировавших образцы ударного труда, должны были равняться и равнялись остальные. К педагогическому труду в те годы применялись та же терминология и даже те же мерки, что и к труду индустриальному: «Конкурс [образцовых школ] выявил, что и в школьной работе имеются свои самоотверженные ударники, свои Изотовы, учителя, которые умеют тщательно готовиться к урокам, не упуская из виду ни одной педагогической детали, добиваться отличной организации учебной работы, вести большую воспитательную работу среди учащихся, помогать пионеротряду и

в то же время выполнять ряд важнейших общественных обязанностей» [Бюллетень ... 1933, № 13, с. 194, приложение]. Школьное планирование именовалось производственным планом [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 56. Л. 70]; общественная кампания с участием школ навстречу XVII съезду ВКП(б) носила название производственного похода: «Включение в производственный поход имени XVII партийного съезда дало новую волну соцсоревнования и ударничества, направленную на борьбу за образцовость всех участков школьной работы», – констатировала в январе 1934 г. зав. Мосгороно Л. В. Дубровина [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 132. Л. 6].

Зам. наркома просвещения Н. К. Крупская в 1932 г. подчеркивала: «надо построить действительно такую школу, которая <...> была бы образцом для подражания, <...> надо выделить те образцовые школы, которые могут быть показаны как образец умелого разрешения стоящих перед школой вопросов, <...> образцовая школа должна быть консультационным пунктом других школ» [Крупская, 1932], конкретизируя таким образом организационную и методическую стороны работы образцовых школ.

В Москве действовали 9 образцовых школ; четыре из них были переведены («выделены», по тогдашней терминологии) в образцовые в 1931 г., пять школ – в 1932 г. [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 132. Л. 1].

Наркомпрос РСФСР предлагал выбирать школы для придания им статуса образцовых в первую очередь по наличию производственной

политехнической базы, затем по территориальному расположению, удобному для связи с другими школами и административными центрами, также по уровню постановки учебной работы и по качественному составу педагогов, «которые могли бы обеспечить лучшие образцы педагогической работы» для усвоения их массовыми школами; такие школы должны были, кроме всего прочего, стать «опорной базой для ОНО и школьного инструктора» [Бюллетень... 1931, № 43, с. 546]. Это было не просто, о чем свидетельствует мимоletное признание Р. Л. Белоблоцкой, зав. группой образцовых школ Наркомпроса: «Мы просмотрели 1800 школ в стране, и нужно видеть, с каким трудом удается выудить образцовую школу» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 147. Л. 89об].

В Москве, которая по административному делению 1930 года включала в себя десять районов (Бауманский, Дзержинский, Замоскворецкий, Краснопресненский, Ленинский, Октябрьский, Пролетарский, Сокольнический, Сталинский, Фрунзенский), было отобрано по одной школе в каждом районе. Четко сформулированных критериев отбора в материалах Мосгороно обнаружить не удалось, но просматривается сочетание таких факторов: сильный педагогический коллектив; приемлемое школьное здание; организационные способности заведующего школой (с 1934 г. – директора школы). Педагоги, как и директор, могли быть заменены в процессе работы, в благоустройство здания вкладывались средства, но покинуть свое здание образцовая школа не могла.

В Бауманском районе образцовая школа, расположенная по адресу: 1-й Басманный пер, д. 10А, имела номер 16 (директор Ц. З. Иоффе). Нумерация школ тогда носила внутррайонный характер, поэтому школы именовались так (например): 16-я Бауманская школа. Далее, 2-я Дзержинская школа располагалась по адресу: Марьино роща, 2-й проезд, д. 8 (директор – Ю. С. Краснопольская); 1-я Замоскворецкая школа – Шлюзовая наб., д. 8 (директор – А. Д. Сергеева); 3-я Краснопресненская школа – Тишинский пер., д. 8 (директор – Н. А. Леонтьева); 7-я Ленинская школа – Казанский пер., д. 10 (директор – А. С. Лихачев); 25-я Октябрьская школа – Старо-Пименовский пер., д. 5 (директор – Н. И. Гроза; фамилия ее произносилась с ударением на О [Толстов, 1935, с. 15; ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 15. Л. 17об]); 9-я Пролетарская школа – в Ленинской слободе (директор – Я. Я. Чулит); 1-я Сокольническая школа – 1-я Мясниковская ул., д. 23 (директор – З. Е. Крейн); 2-я Фрунзенская школа – ул. Усачева, д. 52 (директор – М. А. Рукавишникова); в Сталинском районе после долгих мытарств выделенную образцовую школу № 3 удержать в этом статусе не удалось [ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 156. Л. 100–138].

Также в соответствии с приказом по школьному сектору Наркомпроса от 13 февраля 1932 г. [Бюллетень... 1932, № 12, с. 139] в Замоскворецком районе была создана национальная татарская образцовая школа. Эта начальная школа, в которой было 400 детей, носила номер 17 и располагалась по адресу:

Малый Татарский пер., д. 8; в этом же здании находился детский сад, который в 1934 г. еще предстояло оттуда выселить [ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 147. Л. 120–133; Д. 151. Л. 3об]. Как сказала зав. Мосгороно Л. В. Дубровина, 17-я школа еще «не стала настоящим образцовой школой, но первая такая, чтоб по ней подтягивать уровень национальных школ» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 151. Л. 3об]. Хотя требования к 17-й школе были значительно ниже, чем к другим, статус образцовости она утратила уже к 1935 г., оставшись одной из десяти московских школ «для нацменьшинств и иностранцев».

Отчеты школ, стенограммы совещаний заведующих школами показывают, насколько разными были стартовые условия работы образцовых школ. 25-я Октябрьская школа, располагавшаяся в центре Москвы (район ул. Горького) в старинном школьном здании, имевшая отличный педагогический состав и энергичного директора, сразу вырвалась вперед, хотя напряженно работала в 2 смены. Руководство Мосгороно и Наркомпроса между тем подходило к ее работе с повышенной требовательностью, подчеркивая, что «эта школа центральная из всех образцовых школ Москвы, находится в центре, по социальному составу в ней преобладают служащие <...>, помощь родителей детям и семейная обстановка сыграли большую роль [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 56. Л. 48, 49]. При этом педагогический коллектив констатировал, что просто наказание – работать с балованными профессорскими детьми и маменькиными сынками [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 56. Л. 11, 50].

7-я Ленинская школа, расположенная по теперешним представлениям тоже в центре столицы (район Якиманки), в начале 1930-х гг. помещалась в одном здании с рабочим университетом и строительным техникумом, учащиеся (преимущественно – дети рабочих Станкозавода и завода им. Сталина) занимались в три смены. Школа заняла второе место среди столичных образцовых школ в результате активной организаторской работы ее директора А. С. Лихачева, пришедшего на эту руководящую должность в 1930 г., когда ему было 24 года. В частности, ему удалось в течение 1932 г. выселить посторонние учреждения и обновить на 70 % педагогический коллектив [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 56. Л. 57].

Остальные школы, выдвинутые в образцовые, располагались в неблагополучных районах и на окраинах тогдашней Москвы – в районе Каланчевской площади и Павелецкого вокзала, в Марьиной роще и на Усачевке, в районе Сухаревского и Тишинского рынков, в Ленинской слободе на юго-востоке Москвы, в бывшем селе Богородском на север от Сокольнического парка (последние две – рядом с окружной железной дорогой). По нашим наблюдениям, руководство Мосгороно при выборе школ руководствовалось, кроме указанных выше пунктов, также близостью крупных промышленных предприятий (как правило, шефов школ; дети рабочих этих предприятий составляли большую часть учеников), и учитывало наличие невдалеке трамвайного маршрута. Трамвай в те годы был основным московским общественным транспортом; в 1930-е гг.

трамваи перевозили по 2,5 млн пассажиров в год при общей численности населения столицы в 4 миллиона.

По постановлению ЦК ВКП(б) 25 августа 1931 г. «О начальной и средней школе» главной задачей образцовых школ было стать примером для всех школ. Употреблялась формулировка: «примером для всех школ в борьбе с коренным недостатком», т. е. с недостатком общеобразовательных знаний учащихся, что «неудовлетворительно разрешает задачу подготовки для техникумов и для высшей школы вполне грамотных людей, хорошо владеющих основами наук» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 229. Л. 4об]. Это предполагало, как резкое повышение успеваемости (и дисциплины) учащихся, так и разработку методических материалов на основе своего опыта для распространения их в массовых школах. Выполнение каждого из этих пунктов, само по себе непростое в условиях перестройки школы по классно-урочной системе и пр., для московских образцовых школ было еще сложнее вследствие их столичного статуса, поскольку по ним равнялась вся страна.

Получая приоритетное финансирование как на оборудование школы и ремонт, так и на зарплату учителям (+25 %) [Бюллетень ... 1932, № 32, с. 397; ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 147. Л. 129; Д. 229. Л. 18], имея право забирать в свою школу лучших учителей школ района, директора московских образцовых школ тем не менее работали как на вулкане. Так, неоднократно в стенограммах совещаний Мосгороно 1934 г. возникал вопрос о произведенном в первые дни сентября 1933 г.

вселении в помещение 9-й Пролетарской школы еще одной школы [ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 42. Л. 19; Д. 147. Л. 89об], что создало серьезные трудности. На совещании в июле 1933 г. зам. наркома просвещения РСФСР М. С. Эпштейн, говоря о ходе летнего ремонта школ, ставил в вину директорам образцовых школ то, что они находятся в отпуске: «Июнь, июль, август – это наша посевная кампания, и мы не можем отпускать людей» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 15. Л. 3]. Ни директор, ни зав. учебной частью образцовых школ не преподавали, они занимались административно-хозяйственными, организационными, методическими вопросами. Однако под напором обстоятельств завучам приходилось заниматься и финансированием [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 42. Л. 28], и «вести группу» при отсутствии педагога [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 146. Л. 56].

Не прошло и года от даты постановления 25 августа 1931 г., как Наркомпрос приказал сектору школьной работы организовать написание образцовыми школами монографий, освещающих опыт, проделанную работу, а также историю данной школы, «подкрепив отдельные яркие моменты воспоминаниями старых педагогов или бывших учеников школы» [Бюллетень... 1932, № 18, с. 216]. В 1933–1936 гг. вышли в свет 5–6 таких изданий, выполненных в форме художественно-педагогических очерков; из московских школ с этим заданием справилась только 25-я Октябрьская школа в лице своего завуча А. С. Толстова, яркого талантливого педагога [Толстов, 1935].

Для 28 лучших образцовых

школ страны в 1935 г. было установлено звание членов-корреспондентов ЦПЛ НКП (Центральная педагогическая лаборатория Нарпокомпроса), которые должны были, добиваясь всё более высоких показателей, в сотрудничестве с Наркомпросом оформлять, издавать свои результаты. Семи из этих школ-членов-корреспондентов ЦПЛ НКП было дано право печатать свои «Учебные записки», в том числе 25-й Октябрьской и 3-й Краснопресненской московским школам [Бюллетень... 1935, № 12, с. 202].

Одним из сложнейших организационных вопросов был кадровый. При отчетах образцовых школ часто обсуждались перемещения учителей из массовых школ в образцовые и обратно. Были весьма часты формулировки директоров образцовых школ: «есть отдельные педагоги, которых надо сменить» [ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 56. Л. 103] или «преподавателя по химии мне обещали дать <...>, мне было бы желательно получить Евдокимову из 18-й школы» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 243. Л. 66]. Более того, руководство Мосгороно довольно жестко проводило такую же линию: «Кадры нужны лучшие, переводить не лучших в массовую школу, из массовой школы отобрать тех педагогов, которые отвечали бы тем требованиям, которые мы предъявляем к образцовой школе» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 147. Л. 66]. «Надо образцовую школу обратить в игрушку. Ничего, что за счет других школ <...> Не страшно, если парочка школ проживут еще год. Но в образцовую школу вы должны всё стянуть в такой кулак, который дал бы возможность там дать образцовую обстановку»

[ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 146. Л. 118об, 119].

Хотя и при повышенной зарплате, труд учителя образцовой школы был тяжел. Большой объем методической работы, разработка и ведение образцовых уроков, постоянные посещения уроков как учителями массовых школ, так и бригадами проверяющих Мосгороно и Наркомпроса плюс к обычному педагогическому труду давались нелегко.

Непрост был и быт. В стенограммах нашли отражение бытовые черточки жизни московского учителя. Многие учителя жили далеко от школы, в том числе и в Подмосковье. Завуч 17-й татарской школы Эскандеров, живя за 50 км от Москвы, часто оставался ночевать в школе [ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 147. Л. 132]. В свете острого жилищного вопроса в Москве в 1930-е гг. вызывает сочувствие инцидент в 9-й Пролетарской школе, когда 12 учителей подали заявление об уходе вследствие отсутствия жилплощади [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 147. Л. 77, 77об, 82, 98об].

Достойна восхищения самоотверженность учителей, добивавшихся в результате своей работы успеваемости выше 90% и образцовой дисциплины, поражавшей посещающих их уроки [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 56. Л. 61]. Отметим, что в образцовых школах имелись, как их тогда называли, «дезорганизаторы», как свои собственные, так и пришедшие из других школ; об опыте работы с ними рассказывали на совещаниях директора, завучи, пионервожатые [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 56. Л. 41, 44; Д. 156. Л. 77].

Обязательным было наличие в образцовой школе педолога или даже двух – для 1 и для 2 ступени; они обследовали детей, составляли педологические паспорта на каждого ученика (успеваемость, дисциплина, положение в семье) и на класс, вели учет трудных и педагогически запущенных детей. Результатами работы педологов отчитывались директора [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 56. Л. 3, 60, 74, 80, 84; Д. 132. Л. 1,5; Д. 146. Л. 55; Д. 243. Л. 9, 19, 20]; однако встречаются и критические указания на кабинетный характер работы педологов [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 132. Л. 9об].

Значительную часть работы образцовых школ составляло политехническое образование, подготовка учащихся к будущей работе на промышленных предприятиях. Школьные мастерские должны были быть оборудованы настоящими станками – это была задача шефствующих предприятий. Самые передовые мастерские в Москве были в 9-й Пролетарской школе [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 147. Л. 8об].

Выпускники образцовых школ успешно поступали в высшие и средние специальные учебные заведения, следуя таким образом духу и букве постановления 1931 года. Л. В. Дубровина говорила, что надо «дать такой лозунг – ни одного не выдержавшего испытания в вуз из образцовых школ <...>, чтобы это было делом чести». «Реально это?» – обращалась она в зал, и зал отвечал: «Реально» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 229. Л. 32об].

Наработки образцовых школ активно перенимали учителя Москвы

и всего СССР. Образцовые школы Москвы первыми в стране ввели твердое расписание уроков (или «распорядок дня» школы), составление учителем плана урока, много работали над соотношением недавно введенных стандартных учебных программ и только что изданных учебников по предметам, контактируя для этого с авторами учебников [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 132. Л. 5; Д. 146. Л. 123об; Д. 229. Л. 3об]. Посещавшие образцовые школы и педагогические кабинеты РОНО учителя массовых школ переписывали себе эти материалы от руки [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 56. Л. 46; Д. 243. Л. 84]. Хотя в стенограммах имеются упоминания о намерении Мосгороно издать эти методические разработки, а также брошюру «Лучшие ударники учителя и школьные работники г. Москвы» и книгу борьбы за образцовость московских школ [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 142. Л. 27об, 66], обнаружить эти издания нам не удалось.

Иллюстрацией чрезвычайно разных и весьма сложных хозяйственных условий работы образцовых школ могут служить те факты, что 2-я Дзержинская школа (в Марьиной роще) до 1934 г. не имела канализации [ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 57. Л. 18; Д. 146. Л. 80, 148об] (однако в школе была достигнута такая великолепная чистота, что этот факт постоянно отмечали проверяющие; все дети имели белые воротнички и носовые платки); а директору 9-й Пролетарской школы не раз приходилось обращаться к руководству шефствующего над школой завода «Динамо»

с просьбой изыскать деньги на питание школьников: «Завтра кормить ребят нечем» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 147. Л. 95].

Все московские школы в начале 1930-х гг. работали в две и три смены, многие располагались в приспособленных помещениях; часто в школьных зданиях находились посторонние учреждения, проживали жильцы, что препятствовало не только желаемому подъему успеваемости и дисциплины, но и вообще организации учебного процесса. В классах образцовых школ было по 40–48 учеников, даже в 25-й Октябрьской школе был класс с 62 учениками [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 146. Л. 123].

Наркомпрос в распоряжении от 21 января 1933 г. «О мерах по улучшению работы образцовых школ» [Бюллетень ... 1933, № 4, с. 58] указывал отделам народного образования на необходимость перевода этих школ в специальные школьные здания (что достигалось строительством новых зданий и выявлением школьных зданий, используемых не по назначению), вывода посторонних учреждений и жильцов, снабжения школ оборудованием, тетрадями, учебниками, горячими завтраками, ликвидации третьей смены. Всё давалось нелегко. Например, когда из помещения 1-й Замоскворецкой школы наконец выехал техникум, он вывез и всё учебное оборудование [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 147. Л. 111; Д. 58. Л. 29].

Еще в 1931–1932 годах, с введением образцовости перед московскими образцовыми школами встала проблема разукрупнения («разгрузки»). С этой непростой задачей

они справились только к началу 1935–1936 учебного года.

Разукрупнение было организовано как перевод учащихся в ближайшие школы, как правило – школы-новостройки (в 1935 г. в Москве было построено 72 новых школы, что в два раза больше, чем в предыдущее десятилетие [Генеральный план, 1936; Рогачев, 2014]). Из перегруженных школ в новостройки выводились целые классы. Переводили средние по успеваемости классы, т. е. не худшие и не лучшие, учитывая место проживания детей; в школы-новостройки переводили и учителей вместе с их классами [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 243. Л. 55, 62, 74].

Прочная организационная и финансовая связь школ с предприятиями-шефами таила в себе подводные камни. Директор 1-й Сокольнической школы З. Е. Крейн сокрушался: «Наш шеф – завод «Богатырь». Я стою за то, чтобы выводить классы целиком, но, например, дочь директора «Богатыря» или главного механика «Богатыря» надо же оставить?» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 243. Л. 60].

Часто вставала проблема взаимоотношений руководства школы с родителями, не желавшими, чтобы их дети были переведены куда-либо из образцовой школы. Зав. Мосгороно Л. В. Дубровина в 1934 г. эмоционально констатировала: «В прошлом году мы выводили из 25-й школы детей ответственных работников, которые имели право там быть, но за этот счет сделали школу образцовой» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 147. Л. 49]. «Вы думаете, нам легко далась разгрузка 25-й Октябрьской или 3-й Краснопресненской?

Дело дошло до «Правды», до целого бунта родителей, которые устроили нам под дождем целую демонстрацию. Но только этой ценой мы в этих районах добились образцовых школ» [ЦАГМ. Ф. 528. Оп. 1. Д. 147. Л. 97]. При очередной разгрузке той же 25-й Октябрьской школы в 1935 г. Л. В. Дубровина настоятельно рекомендовала учителям «провести собрание родителей, пригласить представителей районов, <...> говорить о новостройке, заранее взять инициативу в руки, чтобы отсталые настроения не имели место, <...> не нужно ничего голосовать, а только говорить для сведения, <...> желательно организовать экскурсии для всех родителей в новостройки и показать товар, так сказать, лицом» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 243. Л. 78].

В результате разукрупнения 1935 года в образцовых школах было достигнуто желаемое положение, при котором в параллели оставалось не больше трех классов, большинство из которых занимались в 1 смену. Однако тогда же проявилась необходимость прикрепить все классы к определенным школьным помещениям. Часто это означало переоборудование созданных в предыдущие годы предметных кабинетов (географии, математики, пения, биологии, черчения, военного, педагогического), ликвидацию врачебного кабинета, библиотеки, пионерской комнаты, учительской. В большинстве образцовых школ остались только кабинеты физики и химии; во 2-й Фрунзенской школе библиотеку переместили за выгородку в актовом зале [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 243. Л. 71].

В работе образцовых школ значительное место занимали проводившиеся с 1932 г. конкурсы. Конкурсы состояли в принятии обязательств, выполнении их, проверке выполнения обязательств комиссиями, обобщавшими увиденное в школе. Первый конкурс прошел с 1 октября 1932 г. по 15 февраля 1933 г. [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 14. Л. 19], второй завершился в марте 1935 г. [Второй конкурс, 1935]. В 1936 г. прошел конкурс образцовых школ по русскому языку и литературе [Сборник приказов... 1936, № 4, с. 49].

Первый конкурс позиционировался Наркомпросом как «начало систематической работы по созданию сети образцовых школ, стоящих на безусловно высоком уровне общей организации всей своей работы и педагогического мастерства» для обеспечения «подъема всей массовой школы» [Бюллетень... 1933, № 13, с. 194]. Таким же образом определяла цель конкурса Н. К. Крупская: «создать образцовые школы, которые серьезно будут помогать осуществлению единой советской политехнической школы в массовом масштабе» [Крупская, 1932].

По результатам первого конкурса был составлен титульный список образцовых школ Наркомпроса РСФСР на 1934 год, в котором присутствовали указанные выше 9 московских образцовых школ [Титульный список, 1934, с. 3] (по всей стране в титульном списке 935 образцовых школ); 25-я Октябрьская и 7-я Ленинская школы были премированы [Бюллетень... 1933, № 13, с. 194, приложение].

Среди педагогов-ударников

школ Москвы, награжденных грамотами и подарками в 1933–1935 гг., немалую часть составляли учителя образцовых школ [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Дд. 154, 269, 270]. В образцовых школах были созданы условия для плодотворной работы талантливым увлеченным учителям, однако для них это была работа на износ.

Пожалуй, 1933–1934 гг. были высшим пиком работы образцовых школ. Многие планы 1935 года остались невыполненными, например, намерение зав. Мосгороно Л. В. Дубровиной: «На будущий год мы должны иметь больше образцовых школ в районе потому, что одна школа удовлетворить запросы 60–70 школ не в состоянии» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 229. Л. 14].

В 1935 г. Наркомпрос ввел категорию базовых школ педагогических институтов, переведившихся под двойное управление НКП и соответствующего вуза для организации прохождения в них практики будущих педагогов и ведения научно-исследовательской работы. В число этих школ должны были войти лучшие массовые школы, которые тем не менее включались в титульный список образцовых школ, получали соответствующие льготы и звания членов-корреспондентов ЦПЛ НКП [Бюллетень... 1935, № 12, с. 279]. Думается, это был первый звонок к переводу образцовых школ в равные условия с остальными.

Последнее позитивное распоряжение Наркомпроса касательно образцовых школ прошло в мае 1936 г. и было посвящено исполняющемуся в сентябре пятилетию их работы [Сборник приказов... 1936, № 11, с. 154].

После опубликования 4 июля 1936 г. постановления ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» педологи, активно работавшие в образцовых школах, покинули их. По нашим наблюдениям, еще в 1935–1936 гг. многие директора образцовых школ Москвы были перемещены на другие должности.

В 1937 г. по постановлению СНК РСФСР 20 апреля 1937 г. «О преобразовании так называемых образцовых и опытно-показательных школ в нормальные школы» образцовые школы были уравнены во всех отношениях с массовыми школами [О преобразовании..., 1974] – и продолжали работать.

По мнению М. В. Федоринова, образцовые школы «свою первоначальную задачу выполнили <...>, дали массовым школам проверенный опыт совершенствования педагогического процесса» [Федоринов, 1966, с. 21]. Следует добавить, что несколько уничижительный тон постановления 20 апреля 1937 г., говорит о недовольстве властей обстановкой в образцовых школах. Видимо, это относится преимущественно именно к московским образцовым школам, которые, кстати, не раз подвергались критике со стороны Мосгороно за «зазнайство» и «левачество» [ЦАГМ. Ф.Р-528. Оп. 1. Д. 56. Л. 23, 39, 84, 130]. Думается, что и практиковавшиеся в образцовых школах столицы элитарные критерии приема «учащихся по их умственной одаренности» на фоне постановления «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» сыграли не последнюю роль.

Заключение. История образцовых школ 1930-х гг. еще не стала предметом научного внимания историков педагогики и краеведов. История московских образцовых школ 1930-х гг. интересна и драматична. Материалы фонда Р-528 Центрального архива города Москвы содержат ценную информацию не только по организации учебно-воспитательного процесса в школах столицы и по постановке руководства образцовыми школами со стороны Мосгороно, но и дают картины быта, духовной и повседневной жизни, стремлений и взаимоотношений москвичей первой половины 1930-х гг.

Список литературы

1. Крупская, Н. К. На борьбу за образцовую школу / Н. К. Крупская ; Школьный сектор НКП РСФСР. – Москва : Наркомпрос РСФСР ; Учгиз, 1932. – 15 с.
2. Образцовые школы Москвы / под ред. Ю. К. Бабанского. – Москва : Педагогика, 1985. – 120 с.
3. Рогачев, А. М. Великие стройки социализма / А. М. Рогачев. – Москва : Центрполиграф, 2014. – 476 с.
4. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. Т. 2 / гл. ред. В. В. Давыдов. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1999. – 670 с.
5. Толстов, А. С. 25 образцовая школа / А. С. Толстов. – Москва : Московский рабочий, 1935. – 184 с.
6. Holmes, L. E. Stalin's school: Moscow's model school № 25, 1931–1937 / L. E. Holmes. – Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1999. – 228 p.

Список источников

1. Бюллетень Народного комиссариата по просвещению РСФСР. – Москва : 1931, 1932, 1933, 1935.
2. Второй конкурс образцовых школ : материалы торжественного заседания Республиканского комитета Всеобуча при СНК РСФСР и Наркомпроса РСФСР,

посвященного итогам Второго конкурса образцовых школ 23/Ш 1935 г. – Москва : Наркомпрос РСФСР, Учпедгиз, 1935. – 32 с.

3. Генеральный план реконструкции города Москвы. Т. 1: Постановления и материалы». – Москва : Мос. рабочий, 1936. – 162 с.

4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. – Москва : Политиздат, 1985. – 575 с.

5. О мероприятиях по реализации Постановления Бюро МГК КПСС и исполкома Моссовета «Об инициативе педагогических коллективов некоторых школ Москвы, принявших обязательства достойно встретить XXV съезд КПСС, работать под девизом “Образцовому коммунистическому городу – образцовые школы”» : методические рекомендации. – Москва, 1975. – 38 с.

6. О преобразовании так называемых образцовых и опытно-показательных школ в нормальные школы : Постановление СНК РСФСР 20 апреля 1937 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973. –

Москва : Педагогика, 1974. – С. 175–176.

7. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 10 июля 1935 г. «О генеральном плане реконструкции города Москвы». – URL: <https://diletant.media/articles/36470233> (дата обращения: 13.03.2026).

8. Сборник приказов и распоряжений Наркомпроса РСФСР. – Москва, 1936.

9. Титульный список образцовых школ Наркомпроса РСФСР на 1934 год (утв. наркомом по просвещению А. С. Бубновым). – Москва ; Ленинград : Наркомпрос РСФСР ; ОГИЗ ; Учпедгиз, 1934. – 48 с.

10. Федоринов, М. В. Опыт повышения эффективности педагогического процесса в образцовых школах РСФСР и пути его распространения среди массового учительства (1931–1937 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук. / М. В. Федоринов. – Москва, 1966. – 22 с.

11. Центральный архив города Москвы (ЦАГМ).